

Г. В. Ф. Гегель

**Курс эстетики или наука
изящного**

Часть 3. Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г27

Г27 **Гегель Г.**
Курс эстетики или наука изящного: Часть 3. Том 2 / Г. В. Ф. Гегель – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 304 с.

ISBN 978-5-458-42231-4

ISBN 978-5-458-42231-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Система частных наук.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

МУЗЫКА

ВВЕДЕНИЕ И РАЗДѢЛЕНИЕ.

До сихъ поръ мы слѣдовали такому ходу въ развитіи частныхъ искусствъ: мы пачали архитектурю. Въ самомъ дѣлѣ, она была самымъ несовершеннымъ искусствомъ, потому что мы нашли ее неспособною представлять своимъ физическимъ элементомъ, своею грубою матеріей, подчиненною законамъ тяжести, духовное начало въ формѣ, приличной этому началу. Она заботилась только приготовить живому, дѣйствительному духу жилище, сообразное законамъ искусства и созданное имъ самимъ.

Скульптура, напротивъ, имѣла предметомъ духовное начало. Однако, это начало не являлось еще какъ недѣлимый характеръ, или какъ определенное чувство человѣческой души, но въ формѣ свободной недѣлимости, занимающей средину между общею идеей и ея тѣлеснымъ проявленіемъ. Другими словами, недѣли-

мость входитъ здѣсь въ представленіе только по мѣрѣ, необходимой для одушевленія нравственнаго фона, слушающаго ему основаніемъ. Это послѣднее, съ своей стороны, проникаетъ формы тѣлесныя столько, сколько позволяютъ ему неразрушимое соединеніе духа и физической формы, ему соответствующей. А сіе тождество, необходимое для скульптуры, это пребываніе духа въ тѣлесномъ организмѣ, не удаляющагося въ себя, налагаетъ, какъ условіе, на это искусство сохранять тяжелую матерію, физическимъ элементомъ. Но скульптура, отличная въ семъ случаѣ отъ архитектуры, не ограничивается формированіемъ ея, какъ простаго неорганическаго прибора, по законамъ равновѣсія, но обращаетъ ее въ какой—то образъ классической красоты, равный духу и пластически идеальный.

Въ этомъ отношеніи, скульптура является частнымъ образомъ способною оставлять въ своихъ произведеніяхъ основаніе и образъ выраженія, свойственныя *классическому* искусству. Архитектура, какова бы ни была идея, для которой трудится, не возвышалась въ своемъ образѣ представленія выше основнаго типа выраженія, чисто *символическаго*. Съ живописью мы взошли въ область *романтическаго* искусства. Въ живописи, правда, видимое явленіе есть средство, которымъ проявляется духъ; но истинное основаніе этого искусства есть внутренняя *субъективность*, душа, отдѣлившаяся отъ своего тѣлеснаго бытія, чтобы удалиться въ себя; есть страсть и чувство, въ томъ, что они имѣютъ самага глубокаго, нравственный характеръ. Это суть глубокія движенія сердца, вполне переходящія во внѣшнюю форму, гдѣ отражаются самыя секретныя мысли сознанія. Это есть самъ духъ, занятый собственными положеніями, цѣлями, къ которымъ онъ стремится и дѣйствіями, которыя онъ совершаетъ. По этому, вполне внутреннему характеру, отличающему основаніе живописи, она

не можетъ уже довольствоваться употребленіемъ, какъ средствомъ выраженія, дѣйствительной матеріи, не приведенной въ частность, еще покорной законамъ равновѣсія и просто образовать изъ ней форму; она должна выбрать себѣ другой способъ чувственнаго представленія, простую *наружность* и соединить съ нею *краски*. Однако, краска сама принадлежитъ къ протяженнымъ формамъ, какъ онѣ являются въ дѣйствительномъ мірѣ; она выказываетъ ихъ и дѣлаетъ видимыми. Искусство живописи безсомнѣнія простирается до обаянія колорита и проч. Здѣсь начинается исчезать дѣйствительная сторона видимой формы, эффектъ производится нѣкоторымъ образомъ чѣмъ—то матеріальнымъ. Но въ какой бы степени живопись не освобождалась чрезъ то отъ дѣйствительнаго, хотя бы не останавливалась на формѣ по себѣ, хотя бы ей позволено было свободно развиваться въ собственной стихіи, въ игрѣ наружности и обольщенія, въ магіи свѣтло—тѣни, но эта магія цвѣтовъ всегда есть способъ фигурности въ пространствѣ, протяженное и постоянное явленіе.

Теперь, если духъ долженъ въ дѣйствительности проявляться съ характеромъ *внутренняго сосредоточенія*, потребность котораго уже осязательна въ живописи, то и физическій элементъ, въ соотвѣтствіи ему не можетъ уже сохранять этого постоянства. Потому, необходимо искать другаго средства выраженія, которое въ своей чувственной формѣ не имѣло бы ни протяженія ни неподвижности. Требуется знаки, матеріалы, способъ выраженія безъ продолжительности и устойчивости, которыя исчезали бы тотчасъ при самомъ своемъ рожденіи. А такое полное исчезаніе не только одного изъ измѣреній протяженія, но всего протяженія, это полное поглощеніе души въ себя, въ отношеніи внѣшняго выраженія и внутренняго чувства совершаются во второмъ романтическомъ искусствѣ, въ *музыкѣ*. Музыка, въ этомъ

отношеніи, говоря собственно, составляетъ центръ этого представленія, котораго частный характеръ есть выражать душу въ себѣ, и по формѣ и по основанію, потому что это искусство выражаетъ внутреннее чувство, даже въ своей чувственной формѣ выражаетъ еще нѣчто внутреннее и недѣлимое. Другими словами: вмѣсто того, чтобы позволять чувственному элементу, которымъ она выражается, развиваться самому по себѣ, какъ дѣлаютъ фигуральныя искусства, вмѣсто того, чтобы давать ему положительную и постоянную форму, музыка уничтожаетъ эту форму и не позволяетъ ей обратно требовать независимаго и продолжительнаго бытія передъ лицомъ выражаемой мысли.

Впрочемъ, если музыка уничтожаетъ видимую форму, протяженную, какъ способъ представленія, то она удерживаетъ нѣчто, что привязываетъ ее еще къ фигуральнымъ искусствамъ и что напоминаетъ ея происхожденіе изъ нихъ, потому, что она должна двигаться въ нѣдрѣ матеріи, которой сама есть отрицаніе. Только матерія, оставшаяся доселѣ въ покоѣ, приходитъ въ движеніе. Живопись уничтожала одно протяженіе пространства; скульптура приводила протяженіе въ форму. Здѣсь протяженіе должно уничтожаться; такимъ образомъ, определенное тѣло, оставляя свое спокойное протяженіе, свое бездѣйствіе увлекается въ движеніе и протяженіе, такъ что каждая часть тѣла, поддерживаемая сцепленіемъ, перемѣщаясь, старается возвратиться въ прежнее свое состояніе. Результатъ этого волнообразнаго потрясенія есть *звукъ*, матеріальная стихія музыки.

1. Такимъ образомъ музыка оставляетъ съ звукомъ созерцательную стихію *видимой* формы. И такъ она имѣетъ необходимость въ другомъ какомъ нибудь органѣ, а не въ зрѣніи, въ органѣ, принадлежащемъ къ теоретическимъ чувствамъ, а не къ практическимъ, какъ

она принадлежит. А слухъ, къ которому она обращается, есть чувство болѣе умственное, болѣе духовное, нежели зрѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, взоръ, устремленный безъ желанія на произведеніе искусства, точно оставляетъ предметы такими, какими они суть, не посягая на нихъ, безъ намѣренія разрушить ихъ. Но онъ схватываетъ не что нибудь чисто идеальное, а образы, удерживающіе свое чувственное бытіе. Ухо, напротивъ, не требуя ни малѣйшей перемѣны въ тѣлахъ, принимаетъ результатъ того внутренняго потрясенія, по которому они оставляютъ неподвижность матеріальной формы и открываютъ уже первое одушевленіе. Еще болѣе: какъ потрясающее движеніе тѣла, стремясь разрушить протяженіе, само разрушается воздействиемъ тѣла, такъ и звукъ, открывающій это двойное отрицаніе, есть феноменъ, уничтожающій себя при своемъ рожденіи. Такимъ образомъ, звукъ, укрывающійся вдвойнѣ отъ виѣшней и матеріальной формы, отлично способенъ быть эхомъ души. Самъ по себѣ онъ уже нѣчто болѣе не матеріальное, нежели постоянное протяженіе; притомъ, это идеальное бытіе само исчезаетъ. Потому, онъ есть способъ выраженія, самый приличный натурѣ духовнаго начала.

2. Теперь, если спросить: какой же натуры внутренній элементъ, который звукъ долженъ выражать, чтобы оба термина могли соответствовать другъ другу совершеннѣйшимъ образомъ? Мы уже видѣли, что звукъ, самъ по себѣ, какъ чувственный феноменъ, въ противоположность матеріаламъ фигуральныхъ искусствъ, имѣетъ характеръ совершенно отвлеченный. Камень и краска воспроизводятъ многія и различныя формы цѣлаго міра предметовъ и представляютъ ихъ дѣйствительное бытіе. Звуки не могутъ этого сдѣлать. И такъ, внутреннія чувства души лишены всякой объективности, (самая отвлеченная субъективность въ себѣ) одни будутъ спо-

собы для выраженія музыкальнаго; это будетъ я въ своей простотѣ, личность безъ всякаго другаго содержанія кромѣ самой себя. И такъ, главная задача музыки будетъ состоять не въ томъ, чтобъ быть гармоническимъ эхомъ предметовъ, но чтобы потрясать самыя внутреннія струны души и воспроизводить всѣ движенія, совершающіяся въ этомъ мірѣ, вполне идеальномъ.

3. Тоже замѣчаніе прилагается и къ *эффектамъ* музыки. Желаніе ея—достигнуть послѣдняго предѣла выраженія чувства; она есть искусство чувства и обращается прямо къ самому чувству. Правда, живопись, какъ мы видѣли, также можетъ выражать внутреннюю жизнь и чувство, сердечныя движенія и страсти, душевное положеніе, борьбу и прочее въ фizioноміи и формахъ лицъ. Но въ этихъ картинахъ, предъ нашими глазами—только внѣшніе образы, которыхъ я остается еще отдѣльнымъ, какъ внутреннее лицо. Хорошо—сочувствовать характеру лицъ, приходитъ въ восторгъ отъ изящныхъ формъ какой нибудь статуи или картины, удивляться художественному созданію, тождествоваться съ мыслию артиста, наполняться, проникаться ею; только этого недостаточно. Эти изображенія не менѣе суть и остаются вещественными предметами, которые существуютъ сами по себѣ, въ отношеніи которыхъ мы не выходимъ изъ созерцательнаго положенія. Въ музыкѣ, напротивъ, это различіе исчезаетъ. Она выражаетъ самую душу. Внѣшній ея знакъ или звукъ не есть что нибудь протяженное; даже свободною и бѣглою постепенностью передачи безъ собственнаго существа и продолженія, занимающихъ свою значимость у чувства, которое онъ открываетъ и которое есть его единственная опора. Точно, звукъ есть внѣшнее проявленіе, но характеръ его именно есть разрушать себя и уничтожать. Только ухо поразится звукомъ, онъ замолкаетъ. Впечатлѣніе проникаетъ внутрь

и звуки раздаются только въ глубинѣ тронутой души, потрясенной только въ своей глубинѣ. Такая *внутренность*, не имѣющая никакой внѣшней формы, даетъ музыкѣ, по выражаемому чувству и по образу выраженія, характеръ *отвлеченной* простоты, отличающей ее. Правда, она обязана развѣивать богатое основаніе, но не какъ фигуральное искусство, и не какъ поэзія. Ей несвойственъ трудъ сочетать предметы, образы или мысли, чтобы составить изъ нихъ живую картину для глазъ или для воображенія.

Въ изслѣдованіи мы будемъ держаться такого порядка:

1. Опредѣлимъ съ строгою точностію *общій характеръ* музыки и ея эффектовъ, въ сравненіи съ другими искусствами, и по отношенію физическаго элемента и по отношенію формы, какую принимаетъ духовный элементъ.

2. Мы должны потомъ изучить частныя *различія*, которыхъ ищутъ музыкальные звуки и ихъ сочетанія, или по отношенію своей *продолжительности* или по отношенію различій качества, предлагаемыхъ ими въ своихъ аккордахъ, сочетаніяхъ и ихъ гармоніи.

3. Наконецъ, музыка имѣетъ отношеніе къ сюжетамъ, которыми занимается, или ограничиваясь тѣмъ, чтобы акомпанировать чувствамъ, понятіямъ, мыслямъ уже выраженнымъ словомъ, или свободно развиваясь въ собственной области со всею своею независимостью.

Но теперь, представивши общее начало и существенное раздѣленіе музыки, если хотимъ перейти къ изложенію частныхъ пунктовъ, то встрѣчаемъ трудность, которая рождается изъ самаго сюжета. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ способъ музыкальнаго выраженія, звукъ, и въ тоже время чувство, выраженное музыкою, суть столь отвлеченной и общей натуры, то здѣсь можно низойти въ подробности, начавши только

техническою частию, правилами о мѣрѣ звуковъ, о различныхъ инструментахъ и видахъ звуковъ, аккордахъ и проч. А я плохой знатокъ въ этой наукѣ. Слѣдовательно, извиняюсь напередъ, если ограничусь общими пунктами зрѣнія и нѣкоторыми частными замѣтками.

I. ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ МУЗЫКИ.

Существенные пункты для изученія музыки, разсма-
триваемой вообще, могутъ размѣститься въ слѣдую-
щемъ порядкѣ:

1. *Сначала* мы должны провести параллель между музыкою и фигуральными искусствами, съ одной сторо-
ны, и между поэзіей съ другой.

2. Чрезъ то откроется способъ, какимъ музыка мо-
жетъ понимать и представлять свои сюжеты.

Наконецъ, можемъ точнѣе объяснить вполнѣ част-
ное дѣйствіе музыки на душу, въ противоположность
съ другими искусствами.

1. Что касается перваго пункта, то если хотимъ
видѣть яснѣе частный характеръ, отличающій музы-
ку, то должны сравнить ее съ другими искусствами, въ
трехъ отношеніяхъ.

1. Она противоположна архитектурѣ, однако имѣетъ
съ нею тѣсную аналогію.

Въ архитектурѣ, идея, выражаемая архитектурными
формами, не проявляется въ нихъ вполнѣ, какъ въ
произведеніяхъ скульптуры и живописи. Въ отдѣльнос-
ти отъ этихъ формъ послѣднія представляютъ только
виѣшнюю обстановку. Такъ бываетъ и въ музыкѣ, какъ
искусствѣ, собственно говоря, романтическомъ. Класси-
ческое тождество основанія и формы снова нарушается
чувствительнымъ образомъ, только наоборотъ. Въ са-

момъ дѣлѣ, архитектура, какъ символическій образъ представленія, неспособна была достигать этого единства идеи и выраженія. Мысль, только сначала сосредоточенная въ душѣ, старалась проявиться внѣ и найти во внѣшнемъ мірѣ образы и формы, способные представить ее. Музыка, выражая только чувствованіе, ограничивается акомпаниментомъ, понятіемъ духа, уже явившимся своею силою, только на другомъ языкѣ. Она акомпанируетъ или мелодическими звуками, которые говорятъ чувству, такъ какъ архитектура въ своей собственной области ставитъ вокругъ изображенія божества неподвижный приборъ геометрическихъ формъ, колонпъ, стѣнъ, столбовъ и проч.

Потому, звукъ, его виды, приличное сочетаніе, въ музыкѣ представляютъ характеръ болѣе *художественный*, нежели формы тѣла, его поза и фізіономія въ скульптурѣ и живописи.

Въ этомъ отношеніи, музыку можно сравнить еще съ архитектурою. Последняя не беретъ своихъ формъ у вещественности, такъ какъ она представляется въ природѣ, но сама изобрѣтаетъ ихъ, извлекаетъ изъ воображенія, чтобы сформировать ихъ вдругъ, по законамъ тяжести и по правиламъ симметріи и согласія. Музыка поступаетъ также въ своей области; независимо отъ выраженія чувствованія, она слѣдуетъ гармоническимъ законамъ звуковъ, которые опираются на отношеніи числа и количества. Съ другой стороны, не только въ возвращеніи мѣры и Ритма, но также въ видоизмѣненіяхъ, которымъ подвергаетъ самые звуки, она вводитъ различные манеры, формы правильности и симметріи. Такимъ образомъ, въ музыкѣ, вмѣстѣ съ выраженіемъ живымъ самыхъ глубокихъ чувствованій души, господствуетъ самое строгое соблюденіе законовъ разума; она соединяетъ двѣ крайности, которыя въ тоже время легко раздѣляются. Въ этомъ отдѣленіи частнымъ

образомъ музыка принимаетъ архитектурный характеръ, когда, отказываясь выражать чувствованія, берется сама въ полной силѣ своего воображенія построить цѣлое зданіе звуковъ, музыкально правильное.

Но не смотря на эти сходства искусство звуковъ движется совѣмъ въ другой сферѣ, нежели архитектура. Правда, въ обоихъ искусствахъ основаніе даютъ законы количества и мѣра; но матеріалы, слагающіеся по этимъ законамъ, по натурѣ совершенно противоположны. Архитектура овладѣваетъ массою физически тяжелой, протяженною, неподвижною и ея внѣшними формами. Музыка, напротивъ, употребляетъ звукъ, элементъ полный души и жизни, который освобождается отъ протяженія, требующаго различій *качества*, какъ количество и бросающагося въ своемъ быстромъ видѣ по всѣмъ частямъ времени. Равнымъ образомъ, произведенія обоихъ искусствъ принадлежатъ двумъ сферамъ ума, совершенно различнымъ. Между тѣмъ какъ архитектура ставитъ свои колоссальные образы, созерцаемые глазомъ въ ихъ символическихъ формахъ и ихъ вѣчной неподвижности, быстрый бѣглый міръ звуковъ прямо, посредствомъ уха, проникаетъ во внутренность души и наполняетъ ее симпатическими чувствованіями.

Теперь, если сравнимъ музыку съ другими фигуральными искусствами, то сходство и разность, которую можно схватить между ними, утверждаютъ частію на показанномъ началѣ.

Скульптура есть искусство, отъ котораго музыка наиболѣе удаляется вмѣстѣ по отношенію матеріаловъ, образа ихъ формированія и совершеннаго сліянія идеи и формы, осуществляемыхъ скульптурою. Что касается живописи, то музыка имѣла уже съ нею наибольшее сродство, то по глубинѣ чувствованія, господствующаго также въ выраженіи, то по сходной манерѣ обрабатывать матеріалы, такъ что здѣсь, какъ мы видѣли, жи-